

© 2014 г. Л. ЛЕИСИЁ

ИМЕННЫЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В НГАНАСАНСКОМ И ДРУГИХ СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

В статье рассматриваются именные категории времени и модальности в нганасанском языке. Функционирование этих типично глагольных категорий в именных частях речи показано на многочисленных примерах, большинство из которых собраны автором в ходе полевых исследований. Описывается функционирование маркеров именной темпоральности, а также синтаксические, семантические и лексические ограничения на их употребление. Рассматриваются соответствующие категории и в других самодийских языках.

В статье впервые приводятся данные о согласовании в конструкции именного будущего времени в тундровом ненецком и в лесном ненецком языках. Именная темпоральность в нганасанском сравнивается с именной темпоральностью в языке гуарани (семья тупи-гуарани). Анализ временных категорий имен основан на типологии именных категорий времени, аспекта и модальности (ТАМ), предложенной Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004; 2008].

Ключевые слова: северносамодийские языки, нганасанский язык, тундровый энецкий язык, лесной энецкий язык, тундровый ненецкий язык, лесной ненецкий язык, дестинатив, именные категории времени, аспекта и модальности, именное будущее время, именное прошедшее время, именное будущее в прошедшем

This paper focuses on nominal tense in Nganasan. The discussion on nominal tense is based on the typology of the categories of tense, aspect and mood for NPs developed by [Nordlinger, Sadler 2004; 2008]. The nominal future tense indicating a future possession is a revision of the category of destinative, first developed by [Nikolaeva 2009] for Tundra Nenets. All the Northern Samoyedic languages have nominal future tense, which indicates a future possession and which is used in the nominative, accusative and genitive cases. In Tundra Nenets and Forest Nenets, nominal-future tensed head controls the partitive of the modifier (a feature identified for the first time in this paper). In addition to the nominal future, Nganasan also has a past tense as well as a future-in-the-past mood for NPs. Nganasan nominal tenses and mood are compared to nominal tenses in Guaraní [Tonhauser 2006]. The language empirical material illustrating the topic was largely obtained during field work sessions with native speakers.

Keywords: Northern Samoyedic languages, Nganasan, Tundra Enets, Forest Enets, Tundra Nenets, Forest Nenets, destinative, nominal tense

* Я благодарю участников семинара ИЛИ РАН, на котором обсуждался мой доклад по теме «Именные ТАМ» (декабрь 2012), а также анонимного рецензента, в соответствии с указаниями которого статья была значительно переработана. Я благодарна А.П. Володину (ИЛИ РАН) за замечания к первой редакции статьи, а также Михаилу Михайлову (университет Тампере) за стилистическую правку последней редакции. Я несу ответственность за все неточности и погрешности в содержании. Данное исследование проведено в рамках проекта Академии Финляндии «Сравнительная грамматика самодийских языков» (гранты № 125225 и 264007). Исследование было бы невозможным без помощи нганасанских информантов: Л.Н. Турдагиной, Д.Ч. Момде, С.Т. Момде, Н.Д. Кокоре, Н.Д. Чунанчар и других.

1. ТИПОЛОГИЯ ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ-АСПЕКТА-МОДАЛЬНОСТИ

В лингвистической литературе последнего столетия есть указания на то, что не только глаголам, но и именам присуща категория времени, например в языках квакиутль [Boas 1900: 716; 1947] и потаватоми [Hockett 1958: 238]¹.

Наличие морфологической категории времени у имен в ряде языков отмечено Леманом и Моравчик [Lehmann, Moravcik 2000: 742–743].

Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004] составили первое типологическое описание именных категорий ТАМ в языках мира. Сферой действия именных маркеров ТАМ может быть именная группа или предложение. В первом случае речь идет о независимых именных ТАМ (*independent nominal TAM*), во втором – о пропозиционных именных ТАМ (*propositional nominal TAM*). Согласно Нордлингер и Сэдлер, основные черты независимых именных ТАМ следующие:

1. Категория именных ТАМ определяется так же, как и соответствующая глагольная категория.
2. Показатели именных ТАМ являются продуктивными, то есть присоединяются ко всем или большинству имен.
3. Именной показатель ТАМ обозначает время, аспект или модальность именной группы и при наличии в предложении глагольного предиката, причем характеристики именных ТАМ не всегда совпадают с характеристиками ТАМ глагольного предиката в одном и том же предложении.
4. Морфологические маркеры именных категорий ТАМ являются частью слова, а не, скажем, синтаксической клитикой.

В языке гуарани (семья тупи-гуарани) маркер *-KUE* соотносит имена с прошедшим временем, а маркер *-RA* – с будущим². Из примеров (1) и (2) видно, что именная группа в будущем времени может сочетаться с пропозицией в прошедшем времени (2), а именная группа в прошедшем времени – с пропозицией в будущем времени (1).

- (1) O-va-ta che-r'oga-kue-pe.
3-move-FUT 1SG-house-KUE-in
'Он переедет в мой бывший дом' [Nordlinger, Sadler 2004];

- (2) A-va-va'ekue h'oga-rã-pe.
1SG-move-PST 3.house-RA-in
'Я переехал в его будущий дом' [Ibid.].

Время именной группы соотносится со временем речи: дом – моя бывшая собственность в момент речи (1). Именное время также соотносится со временем события, о котором сообщается в пропозиции: будущее в именной группе примера (2) рассматривается с точки зрения ситуации в прошлом.

Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004: табл. 4] перечисляют около пятнадцати языков с независимыми именными ТАМ. Это в основном коренные языки обеих Америк и Африки (сомали, восточно-кушитская группа). В списке нет ни одного языка Евразии.

¹ На языке квакиутль (Kwakiutl), или квавала (Kwak'wala), входящем в группу северновакшских языков, до сих пор говорят в северной части канадского острова Ванкувер. Язык потаватоми относится к центральной группе алгонкинской языковой семьи. Это умирающий язык, ранее распространенный в районе Великих озер на территории США и Канады.

² Именные категории времени в гуарани обсуждались в исследованиях именных ТАМ Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004] и стали темой докторской диссертации Тонхаузер [Tonhauser 2006]. Эти маркеры в гуарани также были описаны Герасимовым [Герасимов 2010].

Язык гуарани оказался в центре обсуждения вопроса об именных ТАМ. Тонхаузер [Tonhauser 2006] описала функционирование, значения и ограничения на употребление именных темпоральных маркеров гуарани в терминах формальной семантики. Поставив перед собой задачу соединить два направления исследования именованного времени, семантическое и типологическое, Тонхаузер проанализировала именные ТАМ и для ряда других языков. В результате автор пришла к выводу, что, вопреки утверждению Нордлингер и Сэдлер, именные темпоральные маркеры в гуарани больше похожи на показатели аспекта и по своему статусу относятся к словообразовательным [Ibid.: 161]. Согласно ее выводам, к именной группе применимы категории аспекта, модальности и экзистенциальности, а не грамматического времени. В своих последующих публикациях (например, [Tonhauser 2007; 2008]) Тонхаузер продолжает возражать против временной трактовки именных маркеров по той причине, что кандидаты в именные маркеры времени отличаются по своим семантическим свойствам от соответствующих глагольных маркеров. Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2008] написали ответную статью, в которой утверждают, что языковые данные и анализ Тонхаузер как раз свидетельствуют о том, что, в частности, в гуарани есть морфологическая категория времени, присущая существительным, хотя она и отличается от соответствующей глагольной категории. Они тем не менее отмечают, что их прежнее утверждение о том, что на имена распространяются стандартные (применяемые к глаголам) определения времени, аспекта и модальности, нуждается в уточнениях. Именная и глагольная временные категории семантически различны, что, очевидно, обусловлено семантической разницей между глаголами и именами [Nordlinger, Sadler 2008: 327, 329, 330].

Именная темпоральная группа может быть посессивной (см. (1, 2) выше) и абсолютной (непосессивной), см. (3, 4).

- (3) A-jogua-se ko óga-rã.
 1sg-купить-DES этот дом-RA
 'Я хочу купить этот будущий дом' [Tonhauser 2006: 208];
- (4) Ko'ága pe prinsipe o-hayhu kururu-kue-pe.
 теперь тот принц АЗ-любить лягушка-KUE-PE
 'Теперь этот принц любит бывшую лягушку' [Tonhauser 2006: 191].

Временные отношения, характеризующие независимое время именной группы, можно выразить в следующей схеме:

- (5)
a) N.PRES	$T_{\text{NOM/POSS}} = T_{\text{NP}}$	маркер $\emptyset$
б) N.FUT	$T_{\text{NOM/POSS}} > T_{\text{NP}}$	маркер -M _{FUT}
в) N.PST	$T_{\text{NOM/POSS}} < T_{\text{NP}}$	маркер -M _{PST}

Морфологическая категория времени кодирует отношение времени существования референта именной группы (T_{NP}) ко времени существования референта имени (T_{NOM}) и его свойства или ко времени существования его принадлежности (T_{POSS}).

Настоящее время не маркировано, то есть именная группа не имеет темпорального маркера (5a). Время существования референта именной группы (T_{NP}) 'мой дом- $\emptyset$ ' совпадает со временем существования референта имени (T_{NOM}) 'дом', а также со временем отношений принадлежности референта 'дом'. Именное будущее (N.FUT) означает, что время референта (T_{NOM}) *óga* 'дом' (пример 3) следует за временем именной группы *ko óga-rã* 'этот будущий дом'; время принадлежности T_{POSS} *h'oga* 'его дом' (пример 2) следует за временем именной группы T_{NP} *h'oga-rã* 'его будущий дом'. Это отношение указано при помощи морфологического маркера, обобщенно выраженного M_{FUT}. В прошедшем времени (N.PST) время принадлежности T_{POSS} *che-r'oga* 'мой дом' (пример 1) предшествует времени именной фразы T_{NP} *che-r'oga-kue* 'мой бывший дом', а время

Ссылаясь на доступное им описание ненецкого языка [Salminen 1998], Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004] упоминают тундровый ненецкий как пример языка с **предикативным** именным временем, так как предикаты в тундровом ненецком могут присоединять глагольные временные суффиксы. Так, глагольные и именные предикаты присоединяют показатель прошедшего времени³:

- (6) xasawa-p°
мужчина-2
'Ты мужчина';
- (7) nū-əp°
стоять-2
'Ты стойшь';
- (8) xasawa-nə-sy°
мужчина-2-PST
'Ты был мужчиной';
- (9) nū°-nə-sy°
стоять-2-PST
'Ты стоял';
- (10) yūq-maq
десять-1PL
'Нас десять';
- (11) nəsuyeki°-m yemp°qna-waq
ребенок-ACC одеть-1PL
'Мы одели ребенка';
- (12) yūq-ma-sy°
десять-1PL-PST
'Нас было десять';
- (13) nəsuyeki°-m yemp°qna-wa-sy°
ребенок-ACC одеть-1PL-PST
'Мы (когда-то) одели ребенка' (п

Тундровый ненецкий входит в группу северносамодийских языков, включающую также лесной ненецкий, лесной энецкий, тундровый энецкий и нганасанский языки². Именные предикаты лесного ненецкого, лесного энецкого и тундрового энецкого также присоединяют глагольные показатели лица, числа и прошедшего времени. Нганасанские именные предикаты не сочетаются с показателем времени, и в прошедшем времени в этом языке употребляется глагольная связка.

³ Заглавными буквами обозначаются маркеры, имеющие различные алломорфы. Настоящее время и единственное число в глоссах не отмечаются, кроме случаев объектного спряжения глагола и личных местоимений. Примеры, в которых источник не обозначен, взяты из полевых материалов автора.

⁴ Запись ненецкого материала дана в латинской транскрипции по [Salminen 1998]; *q* – гортанный смывный. Показатель мн. числа *q* в сочетании с маркером прошедшего времени *sy^o* дает *sy^o* (примеры 12–13).

⁵ Согласно более традиционной в российском языкознании точке зрения, лесной энецкий и тундровый энецкий являются диалектами энецкого языка, а тундровый ненецкий и лесной ненецкий – диалектами ненецкого языка.

2. ДЕСТИНАТИВ – ИМЕННОЕ БУДУЩЕЕ В СЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В северносамодийских языках есть кандидат на **независимую** именную категорию времени – **лично-предназначительная форма** [Терещенко 1965: 881–882], или **дестинатив**. Дестинативы в северносамодийских языках имеют общую протоформу *TƏ [Janhunen 1989: 298], и употребление их сходно. В южносамодийских языках, например в селькупском, лично-предназначительных форм нет.

Именная группа с дестинативом J[GEN] Y-DEST или Y-DEST-PX, означает, что референт Y предназначен для референта J, является его будущей собственностью или частью. С маркером дестинатива сочетается любая именная часть речи, кроме личных и указательных местоимений. Будущий посессор присутствует в дестинативной именной группе либо в форме генитива, предшествующей дестинативу, либо в форме посессивного суффикса, следующего в словоформе за дестинативом.

Дестинативная именная конструкция в северносамодийских языках структурно сходна с посессивной. В этих конструкциях употребляются одни и те же посессивные суффиксы. Посессор в посессивной конструкции и будущий посессор в дестинативной конструкции выражаются одинаково.

Посессивность, под которой подразумевается ассоциация в широком смысле слова обладателя (посессора) с обладаемым, в северносамодийских языках может выражаться (1) именной группой с зависимостным маркированием: с посессором в генитиве и с обладаемым – вершиной в абсолютной (непритяжательной) форме, (2) именной группой с вершинным маркированием, в котором на (лицо и число) посессора указывает посессивный суффикс на обладаемом – вершине именной группы. В таблице 1 показаны посессивная и дестинативная конструкции на примере нганасанского.

Таблица 1

Посессивная и дестинативная конструкции. Нганасанский⁶

	ПОСЕССИВНАЯ	ДЕСТИНАТИВНАЯ
1	(mənə) ɲətu-mə (я) табак-1 'мой табак'	(mənə) ɲətu-δə-mə (я) табак-DEST-1 'табак, предназначенный для меня'
2	(tənə) ɲətu-rə (ты) табак-2 'твой табак'	(tənə) ɲətu-δə-rə (ты) табак-DEST-2 'табак, предназначенный для тебя'
3	(siti) ɲətu-δu (он(а)) табак-3 'его/ее табак'	(siti) ɲətu-δə-tu (он(а)) табак-DEST-3 'табак, предназначенный для него/нее'
4a	d'esī-nə ɲətu отец-GEN.1 табак	d'esī-nə ɲətu-δə отец-GEN.1 табак-DEST
4b	d'esī-nə ɲətu-δu отец-GEN.1 табак-3 'табак моего отца'	*d'esī-nə ɲətu-δə-tu отец-GEN.1 табак-DEST-3 'табак, предназначенный для моего отца'

⁶ Личные местоимения имеют только одну – номинативную – форму. Форма лексического посессора, включенного в именную группу, осознается говорящими как форма генитива, даже если она совпадает по форме с номинативом. Кроме этого, топикализованный посессор может быть выражен номинативом. Такие конструкции в данной статье не рассматриваются.

Обладатель может быть выражен посессивным суффиксом. При этом кореферентное личное местоимение употребляется редко и его употребление связано с информационными задачами говорящего. В посессивной конструкции с генитивом посессора иногда употребляется и посессивный суффикс на обладаемом (см. табл. 1: 4b). Двойное маркирование, обусловленное информационными целями собеседников, было отмечено [Терещенко 1973: 41–43] и исследовано Николаевой [Nikolaeva 2003; 2005], а также [Леиснёр 2008]. Двойное маркирование в дестинативной группе невозможно (табл. 1: 4b, дестинативная конструкция). С маркером дестинатива сочетается любая именная часть речи, кроме личных и указательных местоимений.

Сходная по значению с дестинативом форма есть, например, в тунгусских языках, в частности в удэгейском [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 126–127]. Тунгусская дестинативная форма не сочетается с показателями падежей, что дает основание Мальчукову, исследовавшему эту форму на материале эвенского языка, считать ее падежом – дезигнативом (designative) [Malchukov 2009: 645–646]. Северносамодийскую форму дестинатива к падежам относить нельзя, так как она сама склоняется и может, кроме номинатива, употребляться в аккузативе и в генитиве (пример 14).

Лесной энечкий

(14) a. te-zo-jq

олень-DEST-NOM/ACC.1

‘олень для меня’ (формы номинатива и аккузатива совпадают)

b. te-zo-ń

олень-DEST-GEN.1

‘[в качестве] оленя для меня’ [Терещенко 1966: 445].

Николаева [Nikolaeva 2009; 2010; 2012] исследовала семантические и синтаксические свойства дестинатива в тундровом ненецком. Проанализировав семантику и функции дестинатива, она показала на примере этого языка, что северносамодийский дестинатив отвечает критериям независимого именного времени по Нордлингер и Сэдлер. Николаева отметила, что дестинативная именная группа несовместима с посессивной именной группой. Нельзя, например, сказать, используя дестинатив, *отец-GEN (лодка-DEST-1SG) ‘папина лодка для меня’. В то же время в посессивной и дестинативной конструкциях используются одни и те же притяжательные суффиксы. Таким образом, посессивная и дестинативная именные группы противопоставлены по времени. Парадигма именного времени в тундровом ненецком, согласно Николаевой, состоит из настоящего времени с нулевым показателем и будущего посессивного времени с показателем дестинатива. Категория дестинатива возможна только в посессивном контексте: имя в будущем времени всегда означает будущую собственность, а не просто будущую сущность.

2.1. Дестинатив в нганасанском

Показатель северносамодийского дестинатива –*TƏ сохранился в неизменном виде в нганасанском: –TƏ с алломорфами –də и –tə. В словоформе дестинатив предшествует маркерам падежа и числа.

В примерах (15–17) иллюстрируется употребление будущего времени в трех возможных падежах: в качестве грамматического субъекта – в номинативе (15), прямого объекта – аккузативе (16) и обстоятельства цели – в генитиве (17)⁷.

(15) taa-də-mə

tuqə.

олень-N.FUT-1 прийти.3

‘Олень для меня пришел’ [Терещенко 1979: 102–103];

⁷ Дестинатив глоссируется как именное будущее, N.FUT.

- (16) *taa-ḍə-mtə* *təḍaqa-ŋ*
 олень-N.FUT-ACC.2 привести-2
 'Ты привел себе оленя' [Там же];
- (17) *taa-ḍə-nə* *banə* *bəḍutəndu-m*
 олень -N.FUT- GEN.1 собака.A/G растить-1
 'Собаку (свою) в качестве оленя (для себя) выращиваю' [Там же].

Время существования посессивных отношений 'мой олень' (15), 'твоего оленя' (16), 'моего оленя' (17) следует за временем существования отношений будущей собственности, обозначенных именной группой с дестинативом 'олень для меня' (15), 'олень для тебя' (16), '(в качестве) оленя для себя' (17). Таким образом, дестинатив является показателем именного будущего времени. Дестинативная группа не зависит от времени, аспекта и модальности глагольного предиката. Время глагольного предиката предшествует времени посессивных отношений.

В примерах (15–17) посессор выражен притяжательным суффиксом, форма которого указывает на падеж будущего обладаемого. В единственном числе падежи номинатив, аккузатив и генитив в современном нганасанском обычно не имеют маркера и в абсолютной (непосессивной) форме различаются только вариантом основы. Однако в силу морфонологических особенностей нганасанского языка форма основы в сочетании с суффиксом дестинатива не меняется. Таким образом, если будущий посессор выражен генитивом и на дестинативной форме нет притяжательного суффикса, например *D'antu taa-ḍə* (PN[GEN] олень-N.FUT[NOM/ACC/GEN]) 'олень для Нянту' (Нянту – мужское имя), то форма дестинатива останется неизменной во всех трех падежах и может использоваться и в качестве субъекта, как в примере (15), в качестве объекта, как в (16), и в качестве обстоятельства, как в (17).

Терещенко [Терещенко 1977: 102–103] в своем исследовании дестинатива (дезидератива) в тундровом ненецком отметила, что референт имени в этой форме является новым для говорящих, что он не может быть ранее упомянутым и не может существовать в сознании говорящих до употребления в речи. Николаева сформулировала эту мысль в семантических и информационно-структурных терминах. Проведя лингвистическое исследование, она показала, что в тундровом ненецком номинативная и аккузативная формы дестинатива не могут быть топиальными. Нетопиальность проявляется в том, что референты этих форм могут быть только неопределенными и неспецифическими, и накладывает определенные семантико-синтаксические ограничения на употребление именного будущего. Двойное маркирование в посессивной именной группе возможно при условии топиальности главного слова и, таким образом, не допускается в дестинативной именной группе (табл. 1: 4b, дестинативная конструкция). В северносамодийских языках глагольное сказуемое может согласоваться с прямым объектом в числе. Только топиальный объект вызывает согласование в глаголе-предикате. Это утверждение верно для тундрового ненецкого [Dalrymple, Nikolaeva: 2012: 127–128] и для других самодийских языков, в частности нганасанского (18). Если прямой объект стоит в форме дестинатива, он не может вызывать согласования на глагольном предикате⁸. Предикат согласуется только с субъектом (19). Дестинативный объект не может контролировать согласование в предикате (20).

- (18) *ətə* *kəndə* *d'adiqku-tə* *melidiqə-mə*
 эта нарта.GEN/ACC для-OBL.2 сделать-1>SG
 '(Видишь нарту? –) Эту нарту я сделал для тебя';
- (19) *kəntə-ḍə-mtə* *melidiqə-m*
 нарта-N.FUT-ACC.2 сделать-1
 'Я сделал тебе нарту';

⁸ Николаева [Nikolaeva 2009: 248] отметила эту черту дестинативного объекта на материале тундрового ненецкого.

- (20) kəntə-δə-mtə * meliḍiqa-mə
нарта-N.FUT-ACC.2 сделать-1>SG.

Таким образом, условие нетопикальности действует и для нганасанского дестинатива⁹. Дестинатив обозначает либо новый объект для говорящих, либо является нереферентным (17).

Референты личных местоимений активированы в сознании говорящих, поэтому дестинатив невозможен с личными местоимениями. Обобщая, можно заключить, что дестинатив неграмматичен в сочетании с так называемыми триггерами пресуппозиции [Beaver, Geurts 2011], которые обозначают референты, относящиеся к пресуппозиции, или указывают на них. Типичные триггеры – местоимения *ətə* ‘этот’ и *taaŋiə* ‘тот’. В нганасанском эти местоимения не могут служить определениями имени в именном будущем (дестинативе) и сами не сочетаются с маркером именного будущего: **ətə-δə-mə* (этотN.FUT-1) в значении ‘этот для меня’, **taaŋiə-δə-mə* (тот-N.FUT-1) в значении ‘тот для меня’. Дестинатив также не может иметь определения ‘старый, прежний’, которое предполагает, что определяемое известно говорящим (22). Имя в дестинативе в генитивной конструкции не предполагает соответствия в действительности, то есть оно нереферентно (23).

- (21) sītī ŋusītī mənə ŋəndu-t'e-mə.
3SG мастерить.3 1SG лодка-N.FUT-[ACC]1
‘Он мастерит лодку для меня’;

- (22) *sītī ŋusītī manuəd'əə ŋəndu-t'e-mə
3SG мастерить.3 старый лодка-N.FUT-1
‘Он ремонтирует старую лодку’;

- (23) sītī ŋusī-tī manuəd'əə ŋəntu mənə ŋəndu-t'ə-nə
3SG мастерить.3 старый лодка.A/G 1SG лодка-N.FUT-GEN.1
‘Он ремонтирует старую лодку, чтобы отдать мне (букв. ‘в качестве лодки для меня’).

Согласно Николаевой [Nikolaeva 2009: 247; 2012], для конструкций с номинативом и аккумулятивом в именном будущем типичны глаголы со значениями появления, приобретения и созидания. Однако, как видно из примера (24), в некоторых случаях возможны и глаголы разрушения:

- (24) bahi-δə-mə kobu-q
дикий.олень-N.FUT-1 убить-IMP
‘Убей для меня дикого оленя!’

Говорящий просит идущего на охоту добыть мяса и на его долю. Глагол ‘убить’ относится к глаголам разрушения, однако в данном случае разрушение сущности предполагает возникновение новой собственности. Следовательно, пропозиция в целом означает создание нового.

В нганасанском, в отличие от ненецких и энецких языков, именной предикат не присоединяет глагольных суффиксов времени. Однако предикатив в дестинативе может означать и будущее время пропозиции в целом (25). Альтернативой именного будущего в этом случае является предикат с глагольной связкой в будущем времени (26).

- (25) əntī ŋəndu-t'ə-rə.
этот лодка-N.FUT-2
‘Это твоя лодка будет’;

⁹ Тем не менее в нганасанском, похоже, нет ограничения на употребление номинатива и аккумулятива именного будущего в некоторых синтаксических контекстах, согласно [Николаева 2009], невозможных в тундровом ненецком. Так, есть нганасанские примеры употребления дестинатива с определительным придаточным и дестинатива-субъекта с финитным пассивным предикатом.

- (26) əmtī tənə ɲəndu-l'ə i-qsūdə
 этот 2SG лодка-2 быть-FUT.3
 'то же'

Иногда дестинатив придает выражению эмоциональную окраску. Например, в сочетании с местоимением 'кто' значение нейтрального высказывания меняется, если время местоимения заменить на будущее (27, 28):

- (27) sīlī d'adə-tə tu-qsūdə?
 кто к-OBL.2 прийти-FUT.3
 'Кто к тебе придет?';

- (28) sīlī-də-rə tu-qsūdə?
 кто-N.FUT.2 прийти-FUT.3
 'Да кто к тебе придет!'

Семантика существительного-посессора влияет на значение и употребление дестинатива. Существительное со значением 'зять' свободно сочетается с дестинативом в значении 'будущий зять' (29). Вообще термины некровного родства свободно сочетаются с маркерами именного будущего¹⁰, очевидно, благодаря своей семантике: будущие отношения родства планируются заранее и находятся какое-то время в состоянии прогноза, поэтому дестинативная форма такого термина может лексикализироваться. В примере (29) дестинатив используется в лативе.

- (29) biɲi-də-tə-nə maɖajʃul'ūbtü-d'üə-m tuubið'iq-mə
 зять-N.FUT-LAT-OBL.1 подарить-PST-1 ружье-1
 'Своему будущему зятю я подарила свое ружье'.

Подобная лексикализация невозможна в других северносамодийских языках¹¹. В целом нганасанский дестинатив имеет более широкую сферу употребления, чем дестинатив в других северносамодийских языках.

2.1.1. Непосессивный дестинатив?

В нганасанском есть суффикс -də, образующий словоформу со значением предназначения: *koɬ'e-də* 'для болезни', *koɬ'e* 'болезнь', *hotəɖə-də* 'для ружейного чехла', *hotəɖə* 'ружейный чехол' [Терещенко 1979: 107–108]. Суффикс совпадает с одним из вариантов дестинатива. Примеры (30–31) иллюстрируют употребление словообразовательного суффикса -də.

- (30) hotəɖə-də tubaqkə beritəndi-m
 чехол-də кожа резать-1
 'Режу кожу для ружейного чехла (для будущего чехла. – Л. Л.)' [Терещенко 1979: 108];

- (31) ba-nə bīnī-də honurə sarūqə-m
 собака-GEN.1 веревка-də цепь.A/G завязать-1
 'Для поводка моей собаки (в качестве веревки для моей собаки. – Л. Л.) я привязал цепь' [Там же].

Форма на -də не всегда идентична дестинативу. Например, дестинатив от *hotəɖə* (30) не *hotəɖə-də*, а *hotəɖə-tə*. Однако функционирование словоформы с -də и генитива дестинатива похожи (ср. также пример 31 с примером 23). Можно предположить, что словоформа с -də изначально была непосессивным дестинативом.

¹⁰ Это, очевидно, универсальное явление. Так, англ. *wife-to-be* употребляется в значении 'невеста', в финском *vävykokelas* означает буквально 'зять-практикант'.

¹¹ Такой вывод сделан на основе соответствующего тестирования, проведенного в лесном энцеком и обоих ненецких языках.

2.2. Гипотеза о происхождении дестинатива

Хотя в современном языке дестинатив чаще употребляется с посессором, по крайней мере в нганасанском изначально было возможно и непоссесивное употребление, как показано выше. Янхунен [Janhunen 1989: 300] считает, что дестинатив по своей позиции в словоформе и значению является пограничным случаем между словообразованием и словоизменением. Он не исключает возможности, что дестинатив имеет прауральское происхождение, общее с прибалтийско-финским падежом транслативом, обозначающим цель и назначение. Прибалтийско-финская форма транслатива **-ksi* с точки зрения исторической фонологии соответствует северносамодийскому **-ta* [Ibid.: 301]. Янхунен полагает, что северносамодийский транслатив изначально употреблялся только как абсолютная форма со значением 'для чего-либо, в качестве чего-либо', как сейчас используется генитив дестинатива. Затем постепенно стали использоваться только поссесивные формы дестинатива, развились дестинативные формы аккузатива и номинатива, изменился статус дестинатива.

Финский пример с транслативом (32) – перевод нганасанского примера (31). Сравним также финский транслатив (пример 33 и 35) и нганасанский абсолютный дестинатив (34 и 36).

Финский

- (32) *ole-n sito-nut ketju-n koira-ni hihna-ksi*
 быть-I связать-PT.PST цепь-GEN собака-[GEN]I поводок-TRANS
 'Я привязал цепь в качестве поводка для моей собаки';

- (33) *nahka vaatte-ksi*
 кожа одежда-TRANS
 'кожа для (изготовления) одежды';

Нганасанский

- (34) *luu-δə tuba"ka*
 одежда-δə кожа
 'кожа для (изготовления) одежды';

Финский

- (35) *reke-mme kesä-ksi*
 нарта-IPL лето-TRANS
 'наши нарты на лето';

Нганасанский

- (36) *təŋə-δə kəndü-nüq*
 лето-δə нарта.PL-PL.I.PL
 'наши летние нарты, наши нарты на лето'.

Нганасанские формы (34, 36) являются устойчивыми сочетаниями, и поэтому в них дестинативные формы почти адъективизировались: возможно согласование по числу, например *təŋə-δə-q kəndü-nüq* (PL). Однако такие формы продуктивны: они свободно образуются по мере надобности (ср. 30). Функционально нганасанские формы с *-δə* и генитив дестинатива похожи на прибалтийско-финский транслатив. Я считаю, что гипотеза Янхунена имеет под собой почву.

2.3. Согласование или управление?

В нганасанском согласование по дестинативу невозможно (37), то есть дестинатив не дублируется в определении.

- (37) *sīrajkuə-δə taa-δə-mə*
 белый-*N.FUT олень-N.FUT-I

В энецких языках дестинативного согласования также не найдено.

В обоих ненецких языках я обнаружила дестинативное согласование, которое, очевидно, несколько десятков лет назад было в этих языках регулярным¹².

Лесной ненецкий

(38) *jetī p'aj° ŋānu*
новый дерево лодка
'новая деревянная лодка';

(39) *jetā-x°q p'aj°-xīq ŋānu-tā-t° me-nā-m°q*
новый-PAR деревянный-PAR N.FUT-2 сделать-FUT-1
'Я тебе сделаю новую деревянную лодку';

(40) *n'axāl tī*
три домашний олень
'три оленя';

(41) *n'axāl-kīq te-tā-j° koŋa-n°?*
три-PAR олень-N.FUT-1 раздобыть-2
'Ты достал мне трех оленей?';

Такое же согласование выявлено и в тундровом ненецком:

(42) *syidya ser tī toŋa-x°h*
два белый дом.олень прийти-3.DU
'Два белых оленя пришли';

(43) *syidya-x°q ser-k°q te-d°-myi toŋa-x°h*
два-PAR белый-PAR дом.олень-N.FUT-1 прийти-DU
'Два белых оленя для меня пришли';

(44) *tyet° ŋarka tī to°-q*
четыре большой дом.олень прийти.-3PL
'Четыре больших оленя пришли';

(45) *tyet°-xəq ŋarka-x°q te-d°-myi to°-q*
четыре-PAR большой-PAR дом.олень-N.FUT-1 прийти.-3PL
'Четыре больших оленя для меня пришли';

Маркер на определяемом, глоссиремый как партитив (PAR), появляется только тогда, когда главное слово маркировано дестинативом. Глосса 'партитив' выбрана потому, что тот же маркер в партитивном значении в тундровом ненецком упоминается в «Синтаксисе самодийских языков» [Терещенко 1973: 185–187]: словоформа с этим суффиксом «подчеркивает неполноту объекта или же неопределенное его количество» [Там же: 185]:

(46) *nyany°-xəq ta°*
хлеб-PAR дать.3
'Он принес хлеба (неопределенное количество)' [Терещенко 1973: 185];

(47) *nyany°-m ta°*
хлеб-ACC дать.3
'Он принес хлеб' [Там же: 185];

¹² Данные о согласовании по дестинативу публикуются впервые. Дестинативное согласование мне помогли обнаружить Октябрина Кытымовна Агичева (Велло) (лесной ненецкий, пуровский диалект) и Галина Одмовна Коренева (Тохоя) (тундровый ненецкий, приуральский диалект). Последняя проверка полевых материалов по данной теме была проведена в июне и августе 2013 г.

- (48) $\text{ny}^{\circ}\text{ka-ni}^{\circ}$ $\text{poba-x}^{\circ}\text{q}$ $\text{l}^{\circ}\text{ak}^{\circ}\text{mpoy}^{\circ}\text{h}$ $\text{myis}^{\circ}\text{-q}$
старший.брат-LAT рукавица-PAR ненадолго дать-IMP
‘Отдай брату ненадолго рукавиц’ [Там же: 186].

Терещенко [Терещенко 1973: 186] отмечает, что показатель $-\text{x}-$ / $-\text{z}-$ / $-\text{k}-$ в тундровом ненецком омонимичен показателю латива множественного числа. Тот же показатель партитива используется как своеобразное согласование с дестинативом на модификаторе дестинативной словоформы. В лесном ненецком согласовательный маркер также идентичен маркеру множественного числа латива¹³.

Можно ли считать партитив на модификаторе дестинатива проявлением согласования? Согласования как такового нет, так как показатель дестинатива не копируется на модификаторе. Возможно, дестинатив – форма в именном будущем времени – по аналогии с глагольным предикатом управляет партитивом модификатора – аргумента этого именного предиката. Именной предикат предписывает своему аргументу черту, которую демонстрирует и вся дестинативная группа, наиболее ярко в роли объекта, – неопределенность и неполноту охвата действием. Объект, выраженный дестинативной именной группой, как было сказано выше, не может вызывать согласования на глагольном предикате (пример 20). Та же черта присуща объекту в форме партитива:

- (49) $\text{*nyany}^{\circ}\text{-x}^{\circ}\text{q}$ ta-da
хлеб-PAR дать-3>SG
‘Он принес хлеба’.

Таким образом, эта своеобразная зависимость формы модификатора от формы главного слова демонстрирует как свойство управления, так и свойство согласования. Управление заключается в том, что форма главного слова предписывает определенную форму модификатору. С другой стороны, согласование проявляется в том, что форма модификатора подобна форме главного слова в плане семантики неопределенности.

В тундровом ненецком дестинативное согласование употребляют только очень пожилые люди. Носители помоложе знают согласовательные формы и порождали их по моей просьбе, но уже не используют в речи. В лесном ненецком форма партитива на определяемом дестинатива более употребительна, но тоже только в речи пожилых (> 60 лет).

2.4. Число дестинатива

Как уже говорилось, будущий посессор в дестинативной конструкции может быть выражен посессивным суффиксом на будущем обладаемом. Посессивные суффиксы различают как число посессора, так и число обладаемого. Таким образом, для каждого числа посессора имеется три варианта посессивных суффиксов: для единственного, двойственного и множественного числа обладаемого. В современных северносамодийских языках, за исключением нганасанского, сам маркер дестинатива числа не имеет. Число референта в дестинативе можно определить только по форме посессивного суффикса, ср. (50) и (51):

- Тундровый ненецкий
(50) $\text{xar}^{\circ}\text{d}^{\circ}\text{-d}^{\circ}\text{-naq}$
дом-N.FUT-PL.1PL[NOM/ACC]
‘дома для нас’ [Терещенко 1965: 882];

¹³ Я благодарю Тапани Салминена, который указал мне на тождество маркера дестинативного согласования с маркером датива множественного числа в лесном ненецком и исправил запись примеров из ненецких языков.

- (51) *xar°dә-d°-waq*
дом-N.FUT-PL.1PL[NOM/ACC]
'дом для нас'.

При посессоре-генитиве посессивный суффикс в дестинативной форме отсутствует, и тогда число будущего обладаемого определяется по контексту.

В нганасанском маркер *-TI (ti/di)* указывает на множественное число дестинатива. Формы с маркером множественного числа выделены в таблице 2 жирным шрифтом. В таблице приводятся только глоссы морфем лексем *d'esī-* 'отец', *taa-* 'олень', *d'esī-nә* (отец-GEN.1) '(для) моего отца', ед. число: *d'esī-nә taa-dә* (отец-GEN.1 олень-N.FUT) 'олень (для) моего отца'.

Таблица 2

Числовая парадигма нганасанского дестинатива

	PL.ABS (абсол. ф. мн.ч.)	PL.POSS	DU.ABS	DU.POSS
NOM	<i>(d'esī-nә) taa-dә-q</i> -N.FUT-PL	<i>taa-δi-nә</i> -N.FUT.PL-PL.1.SG	<i>taa-dә-gәj</i> -N.FUT-DU	<i>taaδә-gәj-nә</i> -N.FUT-PL-DU- DU/PL.1.SG
ACC	<i>(d'esī-nә) taa-dә-j</i> -N.FUT-ACC.PL	= NOM	= GEN	= NOM
GEN	<i>taa-δiq</i> -N.FUT.GEN.PL	<i>taa-δi-nә</i> -N.FUT.PL-OBL.1.SG	<i>taa-dә-gi</i> -N.FUT-DU.GEN	<i>taa-dә-gәj-nә</i> -N.FUT-DU- OBL.1.SG

В нганасанском маркер двойственного числа следует за маркером дестинатива (52). Число дестинативной формы также обозначено посессивными суффиксами, различными в зависимости от числа обладаемого (53):

- (52) *maδajt'u-tә-gәj-ni* *tuuqә-gәj*
гость-N.FUT-DU-DU/PL.1.DU прийти-DU.3
'Двое гостей для нас двоих пришли'¹⁴;
- (53) a. *hуajmu-δi-nә*
сапог-N.FUT.PL-DU/PL.1
'сапоги для меня'
b. *hуajmu-δә-mә*
сапог-N.FUT-1
'сапог для меня'.

Кастрен [Castrén 1854: 335–340] отмечал число дестинатива в тундровом ненецком, энецком (Jenissei-Dialekt) и в нганасанском. По его данным, в ненецком маркер числа предшествует маркеру дестинатива, а в энецком и нганасанском следует за ним¹⁵. В нганасанском эти маркеры и их порядок сохранились до сегодняшнего дня.

Терещенко [Терещенко 1977: 98–99] отмечала для тундрового ненецкого дестинатива парадигму единственного и двойственного числа – маркер двойственного числа предшествует маркеру дестинатива (как и в материалах Кастрена для ненецкого). Она указывала, что множественного числа у дестинатива нет, а форму двойственного числа

¹⁴ Пример из материалов М. Брыкиной и В. Гусева.

¹⁵ Следует отметить, что Кастрен описывает тундровый энецкий, из всех северносамодийских языков наиболее близкий нганасанскому.

дестинатива употребляют только пожилые носители языка. В лесном ненецком такой же порядок маркеров для двойственного числа будущего обладаемого при отсутствии специального маркирования для множественного числа [Вербов 1973: 75–76]¹⁶.

В лесном энецком, согласно Ханиной и Шлуинскому, возможны формы дестинатива в единственном, множественном и двойственном числе. Форма множественного числа соответствует форме, указанной Кастреном: *-zi/-ti/-di* (при маркере единственного числа *-zo/-to/-d*) [Ханина, Шлуинский 2010: 248]. А вот в формах дуалиса маркер числа предшествует маркеру дестинатива (55). Таким образом, порядок суффиксов в современном лесном энецком не такой, как в энецких материалах Кастрена (54):

(54) enet'ed-do-hu-no
человек-N.FUT-DU-1
'двое людей для меня' [Castrén 1854: 340–341];

(55) te-xu-zo-z
олень-DU.P-DEST.SG-2SG.G.PL
'два оленя для тебя' [Ханина, Шлуинский 2010: 250].

Ханина и Шлуинский отмечают, что разница между единственным и множественным числом дестинатива есть только в формах с посессивным суффиксом. В формах без посессивного суффикса разница между числами не выражена морфологически и число определяется по контексту.

3. ИМЕННОЕ ПРОШЕДШЕЕ

Из северносамодийских языков только в нганасанском можно выделить категорию именного прошедшего времени. Именное прошедшее время образуется путем присоединения маркера именного прошедшего *-d'əə* к основе имени. Имя с показателем *-d'əə* означает отнесенность референта словоформы к прошлому. Если за маркером прошедшего времени следует посессивный маркер, то словоформа может означать бывшую собственность или бывшую сущность. Например, *šetəgəə-d'əə-mə* (начальник-N.PST-1) – либо мой начальник, который умер, либо бывший начальник (который жив, но уже не является моим начальником). Такая потенциальная двусмысленность есть во всех языках с именным временем, которое сочетается как с посессивными, так и с абсолютными именами (например, в языке халкэмейлем (салишские языки) [Burton 1997: 67–68, 74]).

Этот же маркер *-d'əə* является второй частью составного маркера причастий прошедшего времени: *tuj-süə* (прийти-PST) 'он / она пришел / пришла', *tuj-süə-d'əə* (прийти-PT.PST) 'который пришел'.

Предложение (56) было оценено носителем языка как неправильное без маркера прошедшего времени на существительном *taa* 'олень'; был предложен исправленный вариант (57).

(56) əmti̯ kuhu d'esī-nə ?taa-gətə
эта шкура отец-GEN.1 дом.олень-ABL;

(57) əmti̯ kuhu d'esī-nə taa-d'əə-gətə
эта шкура отец-GEN.1 олень-N.PST-ABL
'Эта шкура от отцовского оленя'.

Согласно понятиям нганасан, домашний олень не может считаться чьей-либо собственностью, если его уже нет. Таким образом, надо указать, что олень – **бывшая** соб-

¹⁶ Вербов написал свое исследование в 1930-е гг.

ственность. T_{POSS} – время посессивных отношений *d'esinā taa* ‘олень отца’ – предшествует T_{NP} – времени именной группы *d'esinā taad'əə* ‘олень-PST отца’: $T_{\text{POSS}} < T_{\text{NP}}$

В примере (58) именное прошедшее тоже обозначает бывшую собственность:

- (58) *sīlī* *baŋ-d'əə* *ba-lə?*
 кто собака-N.PST собака-2
 ‘Твоя собака чья была?’ (чьей бывшей собственностью является твоя собака)

Именное прошедшее возможно во всех падежах и числах: за маркером именного времени следуют маркеры числа и падежа. Для хорошо владеющего языком употребление именного прошедшего в определенных контекстах обязательно. Однако существует ряд семантических ограничений на его употребление, особенно в непосессивных контекстах. Существительные, обозначающие кровное родство, не употребляются с этим маркером в значении ‘покойный’. Например, *d'esī-d'əə* (отец-N.PST) означает не, как можно было бы ожидать, ‘покойный отец’, а ‘отец, который ушел из семьи’. Статус кровного родства не исчезает со смертью родственника. И в гуарани, согласно Тонхаузер, при помощи маркера *-KUE* невозможно образовать прошедшее время с номинациями кровного родства.

Иногда словоформа с маркером прошедшего именного приобретает специфические значения, лексикализуясь. Так, например, *ñüə-d'əə* (ребенок-N.PST) означает ‘выросший, больше не живущий в семье ребенок’ (*ñüə* ‘ребенок’); *kobɬa-d'əə* (девушка-N.PST) означает ‘старая дева’, *maad'əə* (чум-N.PST) ‘чумовище’ (место, где стояли чумы).

Маркер прошедшего именного не используется с названиями диких животных в значении ‘умершее животное’. Но если дикий олень станет домашним, то тогда прошедшее время возможно (59):

- (59) *bahi-d'əə* *taamuqə*
 дик.олень-N.PST статья.дом.олень.3
 ‘К домашним прибилс дикий олень’.

Именное прошедшее употребляется для обозначения бывшей части целого: *taa ngojbuə-d'əə* (дом.олень[GEN] голова-N.PST) ‘череп (неживого) оленя’, *ñotu səə-d'əə* (заяц[GEN] сердце-N.PST) ‘сердце (убитого) зайца’. Так и в гуарани, маркер *-KUƏ* не сочетается с названиями умерших животных, но сочетается с названиями частей тела умерших животных [Tonhauser 2006: 191].

Как и *-KUƏ* в гуарани, *-d'əə* в нганасанском не сочетается с природными объектами: **turku-d'əə* (озеро-N.PST), **d'ikə-d'əə* (гора-N.PST), **hualə-d'əə* (камень-N.PST).

С именами, обозначающими пищу, маркер прошедшего времени гуарани сочетается плохо, а вместе с пространственно-временными существительными он придает ситуации, описанной в пропозиции, значение обычности (60) [Tonhauser 2006: 188–202]:

- (60) *Domingo-kue* *o-je-ho* *tupa-o-pe*
 воскресенье-KUE АЗ-JE-идти бог-дом-PE
 ‘По воскресеньям ходят в церковь’ [Tonhauser 2006: 200].

В нганасанском номинации циклических временных периодов (год, день, месяц, осень, весна, лето, зима) не принимают маркеров прошедшего времени ни в абсолютном, ни в посессивном значении. Так, *hüə* ‘год’ нельзя употребить в прошедшем времени: **hüə-d'əə* (год-N.PST), например, в значении ‘прошлый год’.

Названия пищи с *d'əə* часто в посессивных конструкциях имеют в нганасанском значение ‘остаток еды (после приема пищи)’ (вопрос-ответ 61–62).

- (61) *sīlī* *ŋamsu-d'əə?*
 кто[GEN] мясо/еда-N.PST
 ‘Чьи объедки? Кто не доел?’ (букв. ‘Чья оставшаяся еда?’);

- (62) bəikuə ŋamsu-d'əə
старик[GEN] мясо/еда-N.PST
'Старика объедки' (еда, которую старик не доел).

В примере (63) показано проявление семантического согласования по времени: субъект относительного придаточного согласуется с причастием-предикатом. С точки зрения типологии Нордлингер и Сэдлер именное прошедшее в данном примере, скорее всего, нельзя считать проявлением независимого именного времени, так как оно явно зависит от времени предиката. Предложение без именного прошедшего (64) носитель языка оценил как нелогичное.

- (63) honəj-d'əə luu-d'əə-mə d'übəə-d'ia-m
носить-PTCP.PST одежда-N.PST-1 бросить-PST-1
'Я выбросила свои сношенные одежды';

- (64) ?honəj-d'əə luu-mə d'übəə-d'ia-m
носить-PT.PST одежда-1 бросить-PST-1.

Однако большей частью прошедшее именное не зависит от времени предиката предложения и при этом референция именной группы предшествует времени ситуации, обозначенной в предложении.

Именное прошедшее означает окончание времени существования артефактов и категорий, созданных людьми (бывшая печь, бывший дом, бывший учитель), и завершившихся отношений посессивности в широком смысле слова, включая часть целого. Однако оно не может означать окончание времени существования естественных объектов и отношений кровного родства, таких как 'покойный отец', 'бывшая река', 'бывший камень'.

4. БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ

Из северносамодийских языков только в нганасанском существует именная категория будущего в прошедшем со сложным маркером *-ТəТə(Тəə)d'əə*. В нем с точки зрения диахронии вычленимы описанные выше маркер именного будущего *-Тə* и маркер именного прошедшего *-d'əə*. Элемент *-тəə* отождествляется с заключительной частью суффикса ирреального наклонения глагола *-haatəə* [Гусев 2004: 3].

Маркер был идентифицирован Михаилом Даниэлем при расшифровке нганасанских полевых материалов. Валентин Гусев [Гусев 2004] впервые рассказал об этом маркере в докладе на конференции в Сегеде. По его данным, ирреальный дестинатив (destinative irrealis) употребляется только в посессивном контексте.

Этот маркер действительно легче всего употребляется в значении предполагавшихся, но неосуществившихся отношений собственности (66), однако может употребляться и в значении неосуществившейся сущности (65) без притяжательного суффикса.

- (65) luu-ðətəd'əə-q sot'elə-məɖumaqa-q
одежда-N.FUT.PST-PL шить-PT.ABESS.-PL
'То, что было предназначено для шитья одежды, (так и) не сшито';

- (66) Ljonja ban-təðəd'əə kotu-raqa
PN[GEN] собака-N.FUT.PST убить-PASS.3
'Собаку, предназначенную для Лени, убили'.

Таким образом, J.GEN *Y-ТəТə(Тəə)d'əə* или *Y-ТəТə(Тəə)d'əə-PX_J* означает 'Y, которое должно было стать собственностью J, но не стало ею'. Но возможно и *Y-ТəТə(Тəə)d'əə* в непосессивном значении: Y, существование которого предполагалось, но не

осуществилось. Таким образом, маркер связан со временем и модальностью и имеет значение ирреального конъюнктива, или будущего в прошедшем.

Как и именные формы прошедшего времени, формы будущего в прошедшем могут употребляться в любом падеже (ср. 67) и не имеют синтаксических ограничений; например, топикальный объект в форме ирреального конъюнктива вызывает согласование предиката (68):

- (67) *sĩĩ d'esĩ-nə ma-təðətəd'əə-tənu ñĩĩ-ŋĩ?*
кто отец-GEN.1 чум-N.FUT.PST-LOC жить-INTERR.3
'Кто живет в чуме, предназначенном для моего отца?';

- (68) *lapku-ðətədəə maðu-liqə-mə*
магазин-N.FUT.PST чум.GEN.PL-INCH.PFV-1>SG
'Я стал жить в недостроенном магазине' (букв.: 'я сделал домом то, что должно было стать магазином, но не стало').

В нганасанском есть причастие, обозначающее будущее в прошедшем: *konĩ-qsītəd'əə* (пойти-FUT.PST) или *konĩ-qsītə i-šüəd'əə* (пойти-FUT быть-PT.PST) '(который) должен был пойти, но не пошел'. Составной маркер *qsītə-d'əə* состоит из маркера будущего *-qsītə* и маркера прошедшего *-d'əə*. Нганасаны, говорящие на восточном, вадеевском, диалекте, часто употребляют глагольно-причастный маркер *QSUTƏD'ƏƏ* с существительными вместо именного маркера будущего в прошедшем (69):

Вадеевский диалект

- (69) *maðə-qsutəd'əə*
чум.GEN-N.FUT.PST
'недостроенный заброшенный дом' (букв.: 'то, что должно было стать домом, но не стало им').

В авамском диалекте я не встретила такой замены маркеров.

Интересно, что в языке гуарани маркеры будущего и прошедшего времени тоже употребляются вместе именно в такой же последовательности, как в нганасанском (употребление в обратном порядке невозможно). Хотя Тонхаузер не считает их соединение единой категорией, употребляется оно в значении предполагаемой, но неосуществленной сущности (70).

- (70) *Kuehe a-hecha pa'i-rā-ngue-pe.*
вчера A1SG-видеть священник-RA-KUE-PE
'Вчера я видел несостоявшегося священника' [Tonhauser 2006: 164, пр. 35].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Евгений Хелимский почти 20 лет назад писал о дестинативной (-TƏ) и претериальной (-D'ƏƏ) формах в нганасанском: «фактически две эти формы могут быть приравнены к будущему и прошедшему временам имени» [Хелимский 1994: 204]. К сожалению, тогда это высказывание осталось метафорой, не вызвав дальнейших исследований в этом направлении. Идея именных ТАМ и, в частности, времени у имен получила развитие в области теоретической семантики [Енç 1981; 1987; Musan 1995] и, с другой стороны, в описаниях отдельных языков. С появлением типологической работы Нордлингер и Сэдлер [Nordlinger, Sadler 2004] по именным ТАМ появились семантические (например, [Lecarme 2004; 2008] на материале сомали, [Tonhauser 2006] на материале гуарани) и синтаксические ([Nikolaeva 2009], тундровый ненецкий) исследования.

Тонхаузер считает именные темпоральные маркеры в гуарани скорее аспектуально-модальными, чем временными. Николаева в последнее время полагает дестинатив в тундровом ненечком не временем, а скорее (суб)ъюнктивным или ирреальным) наклоне-

Таблица 3

Парадигма именных показателей ТАМ в нганасанском

ВРЕМЯ	НАКЛОНЕНИЕ	МАРКЕР
1. настоящее		ø(-PX)
2. прошедшее		-D'əə(-PX)
3. будущее		-Tə(-PX)
4. будущее в прошедшем		а) -TəTə(Təə)D'əə(-PX) б) QSUTə -D'əə(-PX)

нием, аналогичным соответствующему наклонению предиката изъяснительного придаточного предложения [Nikolaeva 2012]. Нордлингер и Сэдлер настаивают на временной трактовке маркеров, в частности, в гуарани, внося поправку в свои прежние критерии именного времени: именное время не может быть аналогично глагольному [Nordlinger, Sadler 2008]. Я тоже считаю, что полной аналогии между глагольными и именными категориями ТАМ быть не может: существительное и глагол во многом противоположны в своей семантике. Имя традиционно считалось постоянной, вневременной категорией. Типичное существительное стремится к постоянству и неизменности. Поэтому и временной маркер оно хочет сделать своей неотъемлемой частью, иногда превращая его в словообразовательный суффикс и развивая на его основе новое значение, как было показано выше. Позиция темпорального маркера в словоформе – непосредственно после основы – тоже говорит о его потенциале к участию в словообразовании. Говорить о действующей категории именного ТАМ можно только в том случае, если ее показатель является флексией, присоединяющейся к большей части имен и выражающейся на уровне языка в противопоставлении словоформ внутри парадигмы. Такую парадигму можно построить для нганасанских категорий, описанных выше (табл. 3).

Будущее в прошедшем – это модально-временная характеристика. Для него обозначены два альтернативных маркера, в том числе маркер причастия будущего в прошедшем (табл. 3: 4b), иногда употребляемый носителями восточного (вадеевского) диалекта вместо именного маркера (табл. 3: 4a). Таким образом, сами говорящие воспринимают глагольный и именной суффиксы как имеющие одну и ту же – модально-временную – функцию. Два других темпоральных показателя обозначают **относительное** время – время, соотношенное с ситуацией, о которой идет речь в предложении: именная группа в будущем начинает свое существование позже времени ситуации, описанной в предикации, а в прошедшем времени существование именной группы предшествует времени ситуации. Похожим образом категория времени ведет себя в причастиях и отглагольных существительных. Последние являются пограничной формой между глаголами и именами с точки зрения выражения времени: они сочетаются с маркерами именного времени, а по значению соответствуют одновременно и глагольным конструкциям, и существительным (71a,b,c).

- (71) būūd'a 'уехать'; būū-bśa 'отъезд'
 а) būū-bśa-dəəd'əə-rə
 уехать-NMZ-N.FUT.PST-2
 'твой неудавшийся отъезд' (ты планировал уехать, но не уехал).
 б) talu būū-bśa-d'əə-rə
 вчера уехать-NMZ-N.PST-2
 'Вчера ты уехал'.

- с) bûü-bśa-tə-mə
уехать-NMZ-N.FUT-1
'чтобы я уехал'.

В некоторых языках имена присоединяют те же показатели времени, что и глаголы, в других языках именные маркеры ТАМ формально отличны от глагольных. В одних языках с именными ТАМ эти маркеры возможны только в посессивном контексте, в других языках (гуарани) – и в абсолютном, и в посессивном [Nordlinger, Sadler 2004]. В нганасанском временные и модальные маркеры имени частично совпадают с соответствующими маркерами причастия. Будущее именное возможно в трех грамматических падежах и – в современном нганасанском – только в посессивном контексте. Аккузатив и номинатив именного будущего могут быть только нетопикальными. Именное будущее не имеет семантических ограничений. Прошедшее и будущее в прошедшем употребляются во всех падежах как в посессивных, так и в абсолютных формах. Они не имеют грамматических и информационных рамок, однако их употребление ограничено семантически. Таким образом, в рамках типологии именных ТАМ нганасанский – во всех отношениях язык смешанного типа.

Именное будущее есть во всех северносамодийских языках, а именное прошедшее и будущее в прошедшем из современных языков зафиксированы только в нганасанском¹⁷.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1>SG – 1-е лицо и ед. ч. объекта (объектное спряжение глагола); A3 – набор кросс-референтных маркеров 3-го лица (гуарани); A/G – форма генитива, используемая и в аккузативных позициях; ABESS – абэссив; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; [ACC]1 – притяжательный суффикс 1-го лица ед. ч. посессора, присоединенный в форме обладаемого, синтаксически выполняющей функцию аккузатива; DES – дезидератив (глагольное наклонение); DEST – дестинатив (=N.FUT); DU – двойственное число; DU/PL.1.DU – двойственное или множественное число обладаемого при 1-м лице двойственном числе посессора; G – генитив; GEN – генитив; GEN.1 – обладаемое в генитиве ед. ч., 1-е лицо ед. ч. посессора; IMP – императив; INCH – инхотатив; INTERR – интеррогатив; LAT – латив; LOC – локатив; N.FUT – именное будущее; N.FUT.PST – именное будущее в прошедшем; N.PST – именное прошедшее; NMZ – номинализатор; NOM – номинатив; NP – именная группа; OBL.2 – обладаемое ед. ч. в косв. падеже при обладателе 2-го лица ед. ч.; PAR – партитив; PASS – пассив; PE – маркер неагентивных аргументов и пространственно-временных обозначений (гуарани); PFV – перф. аспект; PL – множественное число; PL.1 – обладаемое во мн. ч., посессор в ед. ч. 1-го лица; PN – имя собственное; POSS – посессив; PST – прошедшее; PT.CAR – каритивное причастие; PT.PST – причастие прошедшего времени; PTCP – причастие; PX – посессивный суффикс; TRANS – транслатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вербов 1973 – Г.Д. Вербов. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973.
Герасимов 2010 – Д.В. Герасимов. Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
Гусев 2004 – В.Ю. Гусев. Дополнения к нганасанскому словоизменению // В. Wagner-Nagy (ed.). Mikola-konferencia. Szeged, 2004.

¹⁷ Суффикс именного прошедшего есть и в тундровом энецком – языке, наиболее близком к нганасанскому.

- Леисий 2008 – Л. Леисий. Употребление притяжательных суффиксов в нганасанском языке // Материалы 2-й Междунар. конф. по самодистике. Санкт-Петербург, 2008. <http://iling.spb.ru/nord/materia/brochure-full.pdf>
- Терещенко 1965 – Н.М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко 1966 – Н.М. Терещенко. Энецкий язык // В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Терещенко 1973 – Н.М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков: простое предложение. Ленинград, 1973.
- Терещенко 1977 – Н.М. Терещенко. К генезису лично-предназначительных (дезигеративных) форм северно-самодийских языков // *Fenno-Ugristica*. 1977. V. 4.
- Терещенко 1979 – Н.М. Терещенко. Нганасанский язык. Ленинград, 1979.
- Ханина, Шлуинский 2010 – О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский. Дестинативные формы в энецком языке (на материале лесного диалекта) // С.И. Буркова (ред.). Материалы третьей международной конференции по самодистике. Новосибирск, 2010.
- Хелимский 1994 – Е.А. Хелимский. Очерк морфонологии словоизменительной морфологии нганасанского языка // Е.А. Хелимский (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. М., 1994.
- Beaver, Geurts 2011 – D.I. Beaver, B. Geurts. Presupposition // E.N. Zalta (ed.). The Stanford encyclopedia of philosophy. Stanford, 2011. <http://plato.stanford.edu/archives/sum2011/entries/presupposition/>
- Boas 1900 – F. Boas. Sketch of the Kawakiutl language // *American anthropologist*. 1900. V. 2.
- Boas 1947 – F. Boas. Kwakiutl grammar with a glossary of the suffixes // H. Boas-Yampolsky, Z. Harris (eds). Transactions of the American philosophical society. 1947. V. 37. № 3.
- Burton 1997 – S.C. Burton. Past tense on nouns as death, destruction, and loss // K. Kusomoto (ed.). North East linguistic society. 1997. V. 27.
- Castrén 1854 – M.A. Castrén. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 – M. Dalrymple, I. Nikolaeva. Objects and information structure // Cambridge studies in linguistics. 2011. V. 131.
- Enç 1981 – M. Enç. Tense without Scope: an analysis of nouns as indexicals. PhD diss. Madison, 1981.
- Enç, 1987 – M. Enç. Anchoring conditions for tense // *Linguistic inquiry*. 1987. V. 18.
- Hockett 1958 – Ch.F. Hockett. A course in modern linguistics. New York, 1958.
- Janhunen 1989 – J. Janhunen. Samojedin predestinatiivisen deklinaation alkuperästä // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 1989. V. 82.
- Lecarme 2004 – J. Lecarme. Tense in nominals // J. Guéron, J. Lecarme (eds). The syntax of time. Cambridge (Mass.), 2004.
- Lecarme 2008 – J. Lecarme. Tense and modality in nominals // J. Guéron, J. Lecarme (eds). Time and modality. Cambridge (Mass.), 2008.
- Lehmann, Moravcsik 2000 – Ch. Lehmann, E. Moravcsik. Noun // G.E. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (eds). Morphologie / Morphology. Halbband 1. Berlin, 2000.
- Malchukov 2009 – A. Malchukov. Rare and 'exotic' cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds). The Oxford handbook of case. Oxford; New York, 2009.
- Musan 1995 – R. Musan. On the temporal interpretation of noun phrases. Ph.D. diss. Cambridge (Mass.), 1995.
- Nikolaeva 2003 – I. Nikolaeva. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // P. Suihkonen, B. Comrie (eds). International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers. Izhevsk; Leipzig, 2003.
- Nikolaeva 2005 – I. Nikolaeva. Agreement and situation construal // J. Fernandez-Vest (ed.). Uralic languages today. A linguistics and cognitive approach. Paris, 2005.
- Nikolaeva 2009 – I. Nikolaeva. Nominal tense in Tundra Nenets and Northern Samoyedic // P.K. Austin et al. (eds). Language documentation and linguistic theory. Pt. 2. London, 2009.
- Nikolaeva 2010 – I. Nikolaeva. Possessive future in Tundra Nenets and Northern Samoyedic. Paper presented at the conference Syntax of the world's languages IV. Lion, 2010.
- Nikolaeva 2012 – I. Nikolaeva. On the expression of TAM on nouns // Paper presented at the Societas linguistica europaea. Stockholm, 2012. http://www.sle2012.eu/downloads/Book_abstracts_SLE2012_23aug_final.pdf
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 – I. Nikolaeva, M. Tolskaya. Udihe // Mouton grammar library. 2001. V. 22.

- Nordlinger, Sadler 2004 – *R. Nordlinger, L. Sadler*. Nominal tense in cross-linguistic perspective // *Language*. 2004. V. 80. № 4.
- Nordlinger, Sadler 2008 – *R. Nordlinger, L. Sadler*. When is a temporal marker not a tense? (Reply to Tonhauser 2007) // *Language*. 2008. V. 84. № 2.
- Salminen 1998 – *T. Salminen*. Nenets // D. Abondolo (ed.). *The Uralic languages*. London, 1998. <http://www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>
- Tonhauser 2006 – *J. Tonhauser*. The temporal semantics of noun phrases: Evidence from Guaraní. Ph.D. diss. Stanford, 2006.
- Tonhauser 2007 – *J. Tonhauser*. Nominal tense? The meaning of Guaraní nominal temporal markers // *Language*. 2007. V. 83. № 4.
- Tonhauser 2008 – *J. Tonhauser*. Defining cross-linguistic categories: The case of nominal tense (Reply to Nordlinger and Sadler) // *Language*. 2008. V. 84. № 2.

Сведения об авторе:

Лариса Ленсиё (Larisa Leisiö)
Академия Финляндии / Фонд Конне
Larisa.leisio@uta.fi

Статья поступила в редакцию 25.02.2013.